

В.А. Чалый

ПИТЕР СТРОСОН ОБ АНАЛИТИЧЕСКОМ, СИНТЕТИЧЕСКОМ И АПРИОРНОМ¹.

Статья содержит реконструкцию теории значения Питера Стросона и анализ ее центральной проблемы: введенных Кантом определений аналитического, синтетического и априорного.

This article is an attempt at summarizing and reconstructing Peter Strawson's theory of meaning and its treatment of central notions of Kant's philosophy: the analytic, synthetic and a priori.

Ключевые слова: аналитические суждения, синтетические суждения, априори, Стросон, Кант, Куайн, значение, синонимия.

Key words: analytic, synthetic, a priori, Strawson, Kant, Quine, meaning, synonymy.

Проблема деления суждений на аналитические и синтетические — одна из важнейших и самых обсуждаемых в аналитической традиции. Тот или иной способ ее решения имеет далеко идущие последствия для теории познания, теории значения, теории истины. Как известно, деление суждений на аналитические и синтетические было предложено Кантом и являлось общим местом в философии, в том числе в аналитической, вплоть до критического выступления Куайна [2; 8]. Это выступление раскололо аналитический лагерь на противников и защитников дихотомии аналитического-синтетического.

Питер Стросон оказался среди защитников. Написанная им совместно с Полом Грайсом статья «В защиту догмы» [7] стала практически «официальным ответом» британских аналитиков американскому коллеге. Идеи, высказанные в этой статье, развивались и трансформировались в других работах Стросона [3; 4; 5; 9]. Задача настоящей статьи — реконструировать стросоновскую трактовку дихотомии

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Аналитическая интерпретация трансцендентальной философии П. Стросоном», проект №08-03-00458а.

аналитического-синтетического, а также связанной с ней проблемы априорных суждений.

В философский обиход понятия аналитических и синтетических суждений ввел Кант:

«Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату (я имею в виду только утвердительные суждения, так как вслед за ними применить сказанное к отрицательным суждениям нетрудно), это отношение может быть двояким. Или предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии А, или же В целиком находится вне понятия А, хотя и связано с ним. В первом случае я называю суждение аналитическим, а во втором — синтетическим. Следовательно, аналитические — это те (утвердительные) суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится через тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими. Первые можно было бы назвать поясняющими, а вторые — расширяющими суждениями, так как первые через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем (хотя и смутно), между тем как синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким расчленением» [3, Т.3, с. 111].

Резюмируя определение Канта, синтетическими называются суждения, расширяющие понятие предмета, аналитическими — вскрывающие связи в уже имеющемся содержании понятия.

Куайн утверждает, что Кант имел в виду несколько иное определение: «суждение является аналитическим в том случае, когда оно истинно в силу значения и независимо от фактов» [2, с. 237]. Такая формулировка действительно возможна на основании кантовских разъяснений. Как известно, трудности, которые Куайн вменяет такому понятию «аналитичности», сводятся к двум тезисам: 1) это определение нуждается в пояснениях, но снабдить его ими невозможно; 2) не существует суждений, истинность которых не зависит от фактов. Известен и его вывод: дихотомии аналитического-синтетического нет.

Стратегия ответа Грайса и Стросона такова: критика Куайна обоснованна, но вывод из неё не следует. Оксфордские профессора указывают на то, что понятие «аналитичности» и ряд тесно связанных с ним понятий вроде «синонимичности» и «последовательности», несмотря на свою недостаточную определенность, не только используются философами, но и имеют широкое хождение в обыденном языке. А практика обыденного словоупотребления, по их мнению, в достаточной мере оправдывает необходимость данных понятий, и, в частности, деления суждений на аналитические и синтетические. Так, в форме ответа на критику Куайна, в первом приближении вырисовывается стросоновское определение аналитичности. Попробуем реконструировать некоторые детали этого определения.

Во-первых, оно не является четким. Вслед за Куайном, Стросон признаёт, что существенной особенностью круга родственных понятий, включающего аналитичность, является невозможность дать одному из них определение, не опирающееся на другое. Четкое определение попытался дать Фреге: аналитическим будет являться суждение, которое можно свести к тавтологии путем синонимической замены. Так, «холостяк — это неженатый мужчина» можно привести к виду «холостяк — это холостяк». Куайн утверждает, что дать определение синонимии можно только сделав логический круг к понятию аналитичности, и на этом основании говорит о неопределенности обоих понятий и неудовлетворительности фрегевского определения.

Стросон пытается спасти аналитичность, разбив круг в определении синонимии. Что такое синонимия, мы непосредственно знаем из обыденного языка. Быть синонимом X — это просто «значить то же, что и X». При этом, как считает Стросон, нам нет нужды далее углубляться в выяснение значения «значения». Понятие «синонимия» описывается и оправдывается практикой. Невозможность дать понятиям этого круга способное удовлетворить запросы философов определение означает то, что этот круг находится где-то в самом центре нашей концептуальной схемы.

Во-вторых, истинность вообще всех суждений, в том числе аналитических, зависит от опыта. Отличие последних лишь в том, что их сравнительно трудно модифицировать перед лицом противоречащих фактов. Суждения «все лебеди белые», «Земля круглая», «утренняя звезда это вечерняя звезда» могут быть опровергнуты без

деформации значений фигурирующих в них понятий. Суждения «холостяк — это неженатый мужчина», «трехлетний ребенок не является взрослым» могут быть опровергнуты только через изменения в значениях понятий. Несоответствие действительности первых делает их ложными, несоответствие вторых делает их бессмысленными. Получается, что синтетическими являются суждения, зависящие от *знания*, аналитическими — зависящие от *понимания*. Истинность первых зависит непосредственно от опыта, истинность вторых зависит от языковых конвенций — которые могут быть пересмотрены перед лицом опыта, например, если решением суда трехлетний ребенок будет признан взрослым.

Определение аналитичности через синонимию встречает по крайней мере одно существенное возражение, которое необходимо рассмотреть. На первый взгляд, это определение позволяет отнести к аналитическим многие очевидно эмпирические суждения, например, «вода — это H₂O», которое легко свести к тавтологии. Представляется, однако, что стросоновская теория не подпадает под эту критику. Эта критика действенна для теорий, сводящих значение к обозначаемому предмету, т.е. являющихся экстерналистскими. Экстернализм, для которого «вода» и «H₂O» являются синонимами по той причине, что обозначают одну субстанцию, оказывается в трудном положении: для него основанное на опыте суждение «вода — это H₂O» является аналитическим. Теория Стросона экстерналистской не является, поскольку значение в ней находится в пределах языка, и потому суждения вида «вода — это H₂O», на основании опыта соединяющие разные контексты, относящиеся к одному эмпирическому предмету, являются синтетическими.

Идеи, высказанные как ответ Куайну, получили развитие в статье «Значение и истина», составленной по мотивам инаугурационной лекции 1969 года. В соответствии с правилами жанра, в этой работе Стросон не углубляется в технические детали своей теории, и составляет лишь ее набросок. Набросок этот не получил завершения, поэтому теорию значения Стросона нам придется достраивать, опираясь на ее общий замысел.

Основой своей теории значения Стросон считает понятие коммуникации. Его можно объяснить в терминах, выходящих за пределы понятий, родственных «значению», «синонимии», «аналитичности» и др. — в терминах прагматики.

Значение предложения определяется нашим «коммуникационным намерением», и здесь Стросон привлекает теорию речевых актов Джона Остина и Джона Серля. Возможность осуществления этих «коммуникационных намерений»² в значительной мере опирается на конвенцию. С одной стороны, чтобы иметь значение, термин должен относиться к реальности, представляемой как внешняя и независимая от субъекта. Но, с другой стороны, значение невозможно без языковой конвенции, оно определяется и ею тоже. Это, по мнению Стросона, два равноважных факта о значении, которые невозможно ни свести друг к другу, ни изолировать друг от друга, и попытки дать им дополнительные объяснения не дают результата, что свидетельствует об принадлежности этих фактов к числу фундаментальных принципов человеческой концептуальной схемы.

Воспользовавшись наброском теории, представленным Стросоном в «Значении и истине», мы можем попытаться дать положительное определение аналитичности. Это определение должно преодолеть трудность, указанную Куайном: оно не должно содержать логический круг. Стросоновская теория открывает возможность вывести предложенное Фреге определение аналитичности через синонимию из области лингвистики через прагматику к непосредственной языковой деятельности.

Фундамент теории значения, предлагаемой Стросоном, составляет тот факт, что сознание направлено на предмет, и в процессе познания формирует представление о нем, отличное от самого предмета. Этот тезис — фактически пересказанное в терминах лингвистической метафизики кантовское учение о трансцендентальном единстве апперцепции. Треугольник «сознание-предмет-представление о предмете» является основой теории познания, и Стросон стремится сделать очевидным [4, с. 89-112] то, что она невозможна без одного из этих элементов.

Следующий важный тезис стросоновской — или, вернее, стросонианской — метафизики состоит в том, что данная трехчастная модель не будет работать без коммуникации. Сознание — наше сознание — немислимо в единственном числе. Общение, языковая деятельность есть то, что наполняет и приводит в движение, проявляет элементы этой структуры. Сознание проявляется в языке и в значительной

² Иногда “communication-intention” также транслитерируется как «коммуникация-интенция».

мере детерминируется языком, изучение языка дает ключ к сознанию. Здесь кантовский тезис дополняется положением из философии Витгенштейна.

Такая эпистемологическая теория позволяет сформулировать теорию значения, которая с успехом балансирует между экстернализмом и интернализмом. С одной стороны, представление о предмете, выражаемое в языке, необходимо должно быть — *о предмете*, который не может мыслиться иначе, как существующий вне и независимо от нас, как «реальный», либо как идея, понимаемая другими субъектами в контексте языка, культуры, и через них сказывающаяся в «реальном», непосредственно наблюдаемом мире. Так стросонианская теория учитывает требование экстернализма: значение должно быть предметным, должно иметь корень во внеязыковой реальности. С другой стороны, представление о предмете, выраженное в значении, далеко не исчерпывается и даже не объясняется указанием на реальный предмет. Оно возникает и принимает очертания в ходе практики, «языковых игр», в которые мы включаемся, которые сложились до нас и в которые мы, возможно, внесем изменения. То, какие «языковые игры» ведутся с предметом, определяет представление о нем, суммированное в значении. Так учитывается постулат интернализма: значение есть употребление.

Значение индивидуально, поскольку возникает как продукт субъективного взгляда на предмет. Оно определяется нашей «траекторией» движения через мир. Значение интерсубъективно, поскольку возникает в ходе «языковых игр», коммуникации с другими субъектами, заимствуется из уже существующих контекстов, сформированных конвенциями. Значение объективно, поскольку предметно — если не прямо, то опосредованно.

Значение не является чем-то фиксированным. Оно подвижно постольку, поскольку подвижен субъект, подвижны контексты и практики, подвижна сама реальность. Здесь стросонианская теория значения без стеснения опирается на рассуждения Витгенштейна эпохи «Философских исследований».

Значение имеет форму. Это не логическая форма, которую искали логические позитивисты, а лингвистическая форма, понятие менее определенное, но в то же время, по мнению Стросона, интуитивно доступное. Форма значения определяется тем, как оно соприкасается, взаимодействует с другими значениями, сосуществует с

ними в различных контекстах, т.е. тем, как *употребляется* соответствующее слово. Употребление можно выявить ретроспективно, когда оно уже принято и стало частью практики. Его можно описать, но нельзя дать ему определение.

Когда анализ употребления показывает, что два слова на одних и тех же ролях входят в некоторые контексты, используются в одних и тех же языковых играх по одним и тем же правилам, говорят о существовании между ними отношения *синонимии*, основанного на близости *значений*. Синонимичные понятия иногда называют родственными, но эта метафора неточна: степень родства можно указать, она, если можно так выразиться, дискретна, «степень синонимичности» нельзя. Ее можно только примерно охарактеризовать как «близкую» или «отдаленную», «практически полную», приближающуюся к тавтологии, или «частичную», ограниченную узким контекстом. Даже самые близкие синонимы, такие, как хрестоматийные «холостяк» и «неженатый мужчина», будут отличаться своим происхождением, историей употребления, морфологией, фонетикой, возможными коннотациями и вхождениями в перформативы, и, следовательно, значением.

На таком нечетком понятии синонимии нам придется основывать понятие *аналитичности*. Можно сказать, что аналитическими будут суждения, утверждающие либо отрицающие факт существования синонимических связей между значениями. Если синонимия ограничена некоторым набором контекстов, то и истинность суждения, ее утверждающего, ограничена этими же контекстами. «Холостяк — это то же самое, что неженатый мужчина» — верно практически для всех контекстов, но можно придумать пример, скажем, из сонорной поэзии, где одно слово не сможет участвовать в той же игре, что и другое³. «Автомобиль — это то же самое, что машина» будет верным только в некоторых контекстах. И так далее. Аналитические суждения принципиально отличаются от синтетических тем, что относятся к значениям. Синтетические суждения относятся к предметам. Первые устанавливают «горизонтальные» связи внутри языка, вторые «вертикально» связывают язык и реальность.

³ Причем этот пример не будет основываться только на «материальной суппозиции», в нем будут задействованы не только характеристики *слова*, но и его смысл.

Еще одно отношение, в котором данная теория требует пояснения, касается информативности аналитических суждений. Куайн и другие критики деления задают вопрос: как могут суждения, предикат которых уже, по кантовскому определению, «мыслится в субъекте», быть информативными⁴? В рамках стросонианской теории значения «мыслить в субъекте» означает иметь представление о принятых способах употребления слова-субъекта. Это знание приобретаемое и, следовательно, некоторое аналитическое суждение может одновременно нести новую информацию для одного человека и казаться трюизмом другому. То же самое, разумеется, можно сказать о синтетических суждениях. Информативность, таким образом, не является основанием для различения аналитических и синтетических суждений.

Стросонианская теория значения демонстрирует содержательность введенного Кантом деления суждений на аналитические и синтетические. Трактовка аналитических суждений как суждений о синонимии, о близости значений созвучна кантовскому определению аналитического как «мыслимого в предмете». Теория Стросона, опирающаяся на языковую практику, обладает меньшей строгостью, чем теория Канта, однако лучше учитывает критику, которой деление суждений на аналитические и синтетические подверглось во второй половине XX века.

Изложенную трактовку дихотомии аналитического-синтетического необходимо дополнить трактовкой другой важнейшей дихотомии, также занимающей центральное положение и в кантовской, и в аналитической философии — пары априорное-апостериорное. Определение априорного знания открывает «Критику чистого разума»: это знание, независимое от опыта и от чувственных впечатлений. Такому виду знания противоположно эмпирическое знание, возможное только посредством опыта. Стросоновская дескриптивная метафизика предлагает свою, ограниченную, версию априоризма. Она начинается с сомнения: даже если нам удастся выявить некоторые базовые параметры опыта, его когнитивный каркас — а нам удастся узнать о нем кое-

---

⁴ «Значительная, а может быть наибольшая, часть деятельности нашего разума состоит в расчленении понятий, которые у нас уже имеются о предметах. Благодаря этому мы получаем множество знаний, которые, правда, суть не что иное, как разъяснение или истолкование того, что уже мыслилось (хотя и в смутном еще виде) в наших понятиях, но по крайней мере по форме ценятся наравне с новыми воззрениями, хотя по содержанию только объясняют, а не расширяют уже имеющиеся у нас понятия». (Кант И. Критика чистого разума. / Собр. соч. в 6 т. Т.3. М., 1963. с. 110-111.) Кант указывает на то, что большинство аналитических суждений являются информативными. Однако, психологизированное представление о «мыслении в смутном виде» требует дополнительных объяснений, которых Кант не дает, и потому его теорию иногда трактуют как противоречивую.

что⁵, — мы не сможем с уверенностью приписать эти параметры целиком или частично субъекту либо объекту, потому что для этого нам пришлось бы занять наблюдательную позицию вне этого каркаса, что невозможно. Поэтому стросоновская версия априоризма предлагает, если мы непременно хотим использовать эту терминологию, называть априорными эти самые базовые параметры, без которых опыт не мыслится[9, с. 47-93], но воздерживаться от приписывания их субъекту. По сравнению с кантовской, эта версия априоризма сильно ослаблена.

Наконец, мы можем обратиться и к проблеме синтетического априори. Средствами стросонианской теории значения и дескриптивной метафизики не удастся выявить суждения, которые одновременно были бы синтетическими и описывали бы концептуальную схему опыта. Все суждения, подпадающие под определение априорных, являются аналитическими, то есть проясняющими, устанавливающими связи, описывающими синтаксис осмысленного языка и, одновременно, онтологию нашего мира.

К числу синтетических априорных Кант относит суждения математики — «все математические суждения — синтетические», — основоположения физики, и некоторые метафизические идеи. В стросонианской интерпретации математические суждения окажутся аналитическими: « $7+5=12$ », например, утверждает синонимию суммы семи и пяти и двенадцати для математических контекстов. Законы физики окажутся синтетическими: они есть результат обобщения эмпирических наблюдений. Они вскрывают некоторые особенности концептуальной схемы — например, их всеобщность сложно свести к опыту, акт их формулировки сложно представить как простое обобщение опытных данных — но не *описывают* ее, поэтому не являются «априорными». Наконец, суждения метафизики как науки, «расширяющей знания априорно», то есть независимо от опыта, являются в лучшем случае гипотезами, ждущими эмпирической проверки.

Литература:

1. *Кант И.* Критика чистого разума. / Собр. соч. в 6 т. М., 1963.

⁵ Что именно, Стросон подробно описывает в “Индивидах”

2. *Куайн У.* Две догмы эмпиризма. / Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000.
3. *Стросон П.Ф.* Значение и истина. / Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. с. 213-230.
4. *Стросон П.Ф.* Индивиды. Очерк дескриптивной метафизики. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
5. *Стросон П.Ф.* Проблема реализма и a priori. // Кантовский сборник. Вып. 28. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
6. *Фреге Г.* О смысле и значении. / Логика и логическая семантика. М., 2000.
7. *Grice H.P., Strawson P.F.* In Defense of a Dogma. // Philosophical review LXV (1956), pp. 141-158.
8. *Quine W.* Carnap on Logical Truth. // Synthese. Vol. 12, Nr. 4 (December 1960).
9. *Strawson P.F.* Bounds of Sense. London: Methuen, 1966.

Об авторе

Чалый Вадим Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии исторического факультета Российского государственного университета имени Иммануила Канта; vadim.chaly@gmail.com

About author

Vadim Chaly, PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy, Faculty of History, Immanuel Kant State University of Russia; vadim.chaly@gmail.com